

Татьяна Фоминова

ЗАКОН НЕСОВПАДЕНИЯ

*«НЮАНС»
Таганрог
2010*

* * *

На чашку кофе — несколько монет.
Почти готов сюжет сентиментальный:
начало века, Франция, поэт,
не нужный здесь, на родине — опальный,
и женщины, привычные скучать
 пленительно, загадочно, туманно,
и трепетные пальцы скрипача,
и в глубине ночного ресторана —
больного одиночества свеча,
и в лавке букиниста серый томик...
Чужие люди в незнакомом доме
выносят вещи — комната ничья...
Отечеству пророки не нужны,
и нет ему земли обетованной.
Звонящий край холодной тишины,
и свет в окне, отчаянный, как рана.
В окне напротив — безразличный свет,
рекламный свет, неоновый и лживый.
Начало века. Родина. Поэт.
Пока мы живы. Слава Богу — живы...

* * *

Шел с другой он, а я горевала,
убивалась, дуреха, зазря.
Целовала его, миловала
теплым ветром по вольным кудрям.
Мой соколик, потешь свою душу!
Я не стану тянуть удила,
я свободы твоей не нарушу —
подожду, я ведь дольше ждала.
Ветру вольному — вольная воля,
нагуляется — слаще любовь.
Первым снегом покроется поле —
за невестою тройку готовь.
А с другой — что б там не было, было,
мой ты, мой! Не уйти от судьбы.

Ведь она тебя так не любила!
Да и ты её так не любил...

* * *

Ты спросишь : «За что это нам?»
Я отвечу: «Не знаю...»
И я не солгу, ты почувствуешь — я не солгу.
Нам ночь распахнулась навстречу такая иная,
как черная речка с огнями на том берегу.
Тобой захлебнулась — дождем,
долгожданным до боли.
И в проблесках молнии там,
в глубине темноты,
все то, что когда-то до нас называли любовью,
покажется бледным
в сравненье, что чувствуешь ты.
Мы счастливы будем
впервые изведанным счастьем,
забыв, что когда-то считали всё только игрой:
я стану твоей неотъемлемой тайною частью,
хранимым под сердцем горячим жар-птичьим пером.
На фоне рассвета луны выцветающий профиль
(на фоне рассвета — такая судьба у огней).
Любовь растворится в ночи
ложкой сахара в чашечке кофе.
Ты выпьешь до дна.
Ты узнаешь, что слаще — на дне...

* * *

Мне рано подводить итоги, но вот он — нынешний итог:
стою ольхою у дороги на перепутье трех дорог.
По той, которая направо, пройду направо не спеша:
играет зеленью дубрава и тихо молится душа.
Мне дети выбегут навстречу, и в окружении детей
мне будет светел долгий вечер — уютный, добрый, без затей.
По той, которая налево, уйду на пламенный закат,
хозяйка бала, королева, мне Мастер — муж, мне дьявол — брат.

И я пойду по той, что прямо...

Под ноги — осени листва.

И мне откроет двери Мама.

Пока она ещё жива...

* * *

Бес попутал, бог помог?

Всё само собою вышло:

на губах вишнёвый сок

и глаза его как вишни.

А досужая молва —

было, не было — умножит.

Покатилась голова

спелой ягодой под ножик...

Как влечёт меня к нему!

Отлюбить своё, а там уж!..

Что вам, люди: муж, не муж?!

Он берёт меня не замуж!

Мне с ним вишни собирать,

миловаться до рассвета.

Я-то — ягодка опять...

Здравствуй, здравствуй, бабье лето!

* * *

Догулялась над быстрой рекой

до озноба, до горькой беды —

ведь у губ его привкус такой!..

Как у талой весенней воды.

Речка полная — пей, не хочу! —

с ледоходом до самых краёв.

Поцелует — с обрыва лечу

в непутёвое счастье моё.

Полетели вишнёвые дни

лепестками в прохладный поток.

Мне бы всю мою жизнь изменить!..

Всю бы реку — на счастья глоток...

А у глаз его отблеск такой!..

Как влекущего, в искрах, огня.
И беду — словно щепку рекой.
Потому что он любит меня.

МОЛИТВА

Не носи эту чашу мимо,
коль моя она, мне — до дна.
Дай лишь, Господи, ночь с любимым!
Много ль, Господи, ночь одна?!
Что там в многих летах здоровье —
мне мгновением жизнь сладка...
Дай напиться его любовью,
дай забыться в его руках.
Пусть сожгут меня как колдунью
на позорном шальном костре —
дай нам, Господи, полнолунье!
Мы расстанемся на заре.
Мы расстанемся...
Сладкой тайной
полетит на костер за мной
эта ночь.
Дай мне стать случайной
самой грешной его женой!

* * *

Зачем идем другими парами?
Какой-то бред! Как мы могли?!
Ту нашу жизнь, как листья старые,
Случайно дворники сожгли.
А память горькой дымкой полнится
И шелестит в колокола:
Да, я была твоей любовницей...
Ты тоже помнишь, я — была!..
К себе прижав руками сильными
В любовном яростном хмелю,
Не называл меня по имени —
Ты называл меня Люблю.

В твоём доме окно завешено.
Как лунный свет — твоё лицо.
А я тогда забыла, грешная,
Снять обручальное кольцо...
Уже не будет всё по-прежнему.
Дай Бог, чтоб не были враги!
Ведь я была с тобою нежною
Как никогда ни с кем другим...
Пусть навсегда тебе запомнятся
Мои счастливые глаза
И имя сладкое Любовница,
Что громко, вслух, сказать нельзя.

* * *

Одиночества нет — есть закат, уплывающий в море.
В каждом всхлипе весла по мерцающей глади огня
Ощущенье тоски и огромного детского горя
От безмерной потери ушедшего летнего дня

Одиночества нет — есть дождя золотистые блики
В хризантемных лучах прорывающих ночь фонарей.
Одиночества нет — есть хорошие верные книги
Есть чужие шаги и звонки у соседских дверей

Одиночества нет — есть рассвет на израненных лапах,
Что крадется всю ночь и скулит, словно брошенный пес.
Одиночества нет — есть устойчивый въедливый запах:
Холод лестничной клетки ударит в прокуренный мозг.

Одиночества нет — есть упрямая вера: так надо!
Есть привычная боль, от которой не больно уже
И запекшийся след, как на чашке губная помада
В неожиданно так опустевшей, остывшей душе.

Одиночества нет — есть окурки на брошенных блюдах
Неуютность уюта в обломках чужого добра.
Одиночества нет — есть желание попозже вернуться
И в раскрытую дверь заходить, словно в чёрный квадрат.

* * *

Мне б успеть долюбить до конца этой ночи —
разбежимся привычно по нашим работам,
по делам оглушительно важным и срочным.
Обернись на пороге с вопросом «Ну, что ты?!»
И запомни меня с непрочесанной гривой,
Зацелованной, заспанной, теплой, счастливой.
Разомни сигарету распухшего утра
И в упругий туман молока разливного
Выходи из подъезда. Всё верно, всё мудро,
Всё давно решено и до боли не ново.
Лифт взлетает полжизни ...

СТРАДАНИЯ

Ой, ты, речка, моя речка —
крут отвесный бережок.
Ой, болит моё сердечко,
словно кто его поджег.
Не венчаться, не встречаться,
ни полслова не сказать —
утонуло моё счастье
в его ласковых глазах.
Утонуло и пропало,
камнем под воду ушло.
Белым лебедем летало,
белорыбицей плыло.
Зачерпнуло речку небо,
раскричалось вороньё.
Рыбаки закинут невод,
Счастье вытащат моё.

* * *

Вот банальная история — бытовая суета:
повстречала та, которая, ту, которая — не та.
И к суду лихому скорая, закричала на миру:

«Изничтожу ту, которая! В порошок её сотру!»
Обе — складные да спорые, обе любят, хоть убей!..
Но, конечно, та, которая, той, которая, слабей...
Той, которой к бабкам хаживать, воды мутные мутить:
привороты привораживать — отвороты воротить.
Той, которой — речка с тиной, да любви — на два глотка
с тем, с которым ночка длинная так бывала коротка...

* * *

Захлопнул, как прочитанную книжку,
решил: отцеловал — колесовать.
Я накажу несносного мальчишку
за равнодушья полные слова.
Я не возьму на телефоне трубку,
не стану плакать и просить: "Вернись!"
А я такой длины надену юбку,
что он ещё не видел за всю жизнь!
Я там где надо, подчеркну, что надо,
округлости оставив на виду,
и самую красивую помадой
улыбчивые губы подведу.
И пусть потом разлучница-Наташа
бульдोजьей хваткой держит мужика!
А я уйду по улице по нашей
на просто невозможных каблуках...

ЕЩЕ СТРАДАНИЯ

Льётся взгляд чужого мужа,
тёмно-карий, словно чай.
Только мне чужой не нужен,
муж чужой — чужа печаль!
Не смотри, не надо, милый!..
До чего ж я дожила,
Что чужого полюбила —
Своего не сберегла.
Ах, и сладок был любовник!
Только ржою в душу ложь.

Это ягода — крыжовник:
Вмиг оскомину набьешь!
Отлюбила ночью длинной
На крутом его плече.
Вышла ягода малина
Волчьей ягоды горчей...

* * *

Незнакомец случайный.. О чем говорить!?.
Городок небольшой, ресторан небольшой.
Вдруг внезапно, как пить, захотелось любить
Пересохшей насквозь опустелой душой.
И не нужно конфетной и суетной лжи —
Только попусту тратить пустые слова.
Есть у чувства длиной в сигаретную жизнь
В этот вечер на жизнь и на нежность права.
Не продажная нежность, а так — задарма.
В повороте друг к другу оттаявших лиц
Не банальный и пошлый курортный роман,
А движенье навстречу двух запертых птиц.
Им запомнив едва как друг друга зовут —
Слишком ночь коротка, слишком жизнь коротка —
Выпить сладкую дрожь бесконечных минут
И обняться по-детски, как Герда и Кай.
На прощанье не вспыхнет напрасная грусть:
Не звони, не пиши, не скучай, не зови...
Тот, кто сам без греха,
бросит камень в них пусть!
Только не было чище на свете любви...

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

Два местоимения, глагол...
Сколько раз, напрасные, кому-то!
Знать бы — сохранила б для него —
что такая выпадет минута.
Два местоимения, глагол.
И зачем тогда я промолчала?!

Может, куда б он не ушел —
можно было б жизнь начать сначала...

* * *

Я не жена, я — бортмеханик.
Я — провожающий в полет.
Упрямый странник — мой избранник.
Я — та, что молится и ждет.
Я — та, которая прощает.
Я — санитарка на войне.
Кассандра мечется, вещает...
Я — Ярославна на стене.
Я провожу к аэропорту,
я поцелую на краю.
Пароль "Ни пуха!", отзыв "К черту!".
Пока ты виден — я стою!
Я — та, которая — до гроба,
из не умеющих чуть-чуть.
Я — не жена, я — Пенелопа!
О, не забудь обратный путь...

* * *

Очнешься от безумной круговерти,
узнав из телефонного звонка...
Мы самых лучших ценим после смерти,
самих себя оставив в дураках.
Уставшие от зависти и злости,
мы — дикарей непомнящих страна,
к учителям давно не ходим в гости,
с трудом припоминаем имена.
И стариков тускнеющие лики
в опустошенной памяти ища,
не сразу узнаем прозрачных, тихих,
задев случайно рукавом плаща...
А их, таких смешных, таких великих,
одно тревожит — им бы только книги
неравнодушным людям завещать...

А им бы рассказать за чашкой чая
без всяких мемуаров, просто так...
а мы спешим и их не замечаем,
не понимая, что есть суета...

СТАРИКИ

Жизнь в стоптанных тапках по кругу заезженным вальсом кружит.
Вот так и убили б друг друга, но как друг без друга прожить...
Как горькие травы, поникли под тяжестью прожитых лет.
Давно откликаться привыкли на прозвища «бабка» и «дед».
Не выключен свет в туалете, а счетчик как бешеный лось —
Бранятся серьёзно, как дети, каждую мелочь до слёз.
Всю жизнь ему было вольготней, и нынче — туда ж норовит:
Заныкает с пенсии согну и тут же пропьёт, паразит!
Вот ведьма! Унюхает сразу! И ну на весь дом голосить.
Досталась такая ж зараза, найдёт ведь за что укусить!
А как же любил её, стерву, считал между письмами дни.
И был, как положено, первым (тогда по-другому — ни-ни!).
А как на вокзале встречала, красивей всех жен и невест.
А как она звонко кричала: «Алёша, Алёша! Я здесь!» —
Чернявая словно цыганка и хрупкая словно цветок.
И с кем-то прощалась славянка, и шли поезда на восток...
А телик тускнеет от мути, и кашляет дед до зари.
И счётчик, как бешеный, крутит,
и свет в туалете горит...

ПРО БАБУ КАТЮ

Выбелена временем косынка,
платье — допотопное рваньё.
Бабу Катю выселили с рынка:
нету разрешенья у нее.
На рекламной скатерти газеты
на коробке из-под апельсин
разложила все свои «букеты»:
— На-ка, погляди! Один в один.
Сочная кудрявая петрушка,
и лучок упругий, и кинза...

Прячет оскорбленная старушка
от обиды красные глаза.
На ее родном колхозном рынке
новые порядки с этих пор:
встали толстозадые грузинки
продавать турецкий помидор.
Жизнь такая — пенсии не хватает:
дочь — шалава, внуку — в третий класс.
Крепко сжала губы баба Катя.
Слезы сами катятся из глаз.
Иссушила всю ее работа,
горюшко согнуло тяжело.
А бывало, так с доски почета
улыбалась миру так светло!
Есть у бабы Кати две медали:
на заводе выдали за труд,
«За отвагу на пожаре» дали
(тоже ведь — не каждому дадут!).
Пальцам не унять волненья дрожи,
глядит перевязанный укроп.
Баба Катя шепчет:

— Бог поможет.

Не конец же света, не потоп...
Мудрый, докопавшийся до сути,
для нее почти что божество,
ей поможет непременно Путин,
ведь голосовала ж за него!
Как когда-то в стародавней дали
в нищих разбомбленных городах
помогал же нам товарищ Сталин
страстно верить в лучшие года...

* * *

Скудеет горькое житье,
Ничем помочь не в силах дети.
Старухи продают своё,
Расставив чашки на газете.
С чем и расстаться-то нельзя:
Тарелки, вилки и иголки...

И прячут грустные глаза
Прошедших строек комсомолки.
Ещё не мусорный бачок
И не протянутые руки.
Разложит книги старичок:
Вот, не читают книжек внуки...
А мы болтаем, дурачье...
Монетизация, доплаты.
Старухи продают своё,
И все мы, суки, виноваты!

* * *

...а должность простая,
совсем не «главный»...
А руки, как водится, золотые —
того особого суперсплава,
которым так славятся рядовые.
И годы не властны: другим, моложе,
не просто понять той к работе жажды.
И то, что Петрович, конечно, сможет —
конечно же, сможет из них не каждый.
А должность — простая, совсем не много —
иному-то в жизни не дослужиться:
обычный врач. Заместитель Бога
в одной, отдельно взятой больнице.

ОДУВАНЧИКИ

Среди дикорастущих цветов
он стоит как бы у последней
черты выживания.
Исчезнет одуванчик —
останется голая земля.
(из статьи в календаре)

Бездорожье... Дни летят.
Гей, каурые, гнедые!

Одуванчики блестят,
как монеты золотые.
Может, с ярмарки добро
вез домой приказчик пьяный.
Ах, ты, злато-серебро!..
Позабрызгало поляны.
А теперь — болит душа:
не расплатишься до смерти...
Может, мимо проезжал
удалой залетный ветер,
и не глядя, на скаку,
щедрым жестом господина
раздавал по пятаку
нищим сгорбленным осинам.
А они — благодарить,
низко кланяются в ноги.
Сколько золота горит
вдоль нехоженной дороги!
Сколько золота горит
за последним поворотом...
Эй, Россия, подбери
да раздай своим сиротам.
Наклонилась, за грошом
потянулась неумело.
Как же так — нехорошо —
золотое стало белым.
Где твои герои? Спят?
Вдоль России — парки, скверы,
одуванчики стоят,
как седые старoverы,
укоризненно молчат —
беспользны и бесстрашны.
Только лысины торчат
одуванчиков вчерашних.

ПРОСТЫЕ СТИХИ

Хлопнет дверца машины, и: «Я уже еду!»
Ставь обед на плиту и заваривай чай».
Ничего на земле долгожданнее нету,

Чем вот это твоё «Уже еду, встречай!»
Приезжай! Я такую накрою поляну!..
Я такое успею за тридцать минут —
Борщ, котлеты, салатик и в зеркало глянуть,
Причесаться и локон на лоб завернуть.
Руки вытру о фартук, замру на пороге:
Ключ в двери ворохнулся и — настужь душа!..
Только ты позвони, как обычно, с дороги.
Только ты приезжай,
приезжай...
Приезжай!

ЛЕТНИЙ ПЕЙЗАЖ

Мы счастливы, и так это нелепо:
Унылый день размерен и тягуч,
Прохладный дождь разбрызгивает небо
Из серой лейки безутешных туч.
А в переходе от дождя укрытый,
С мелодией сливаясь проливной,
Нам баянист играет «Рио-Риту»
Самозабвенно, как перед войной.
Охрипший гром ему снаружи вторя,
Швыряет градин мокрое стекло,
И воздух пахнет радостью и морем,
Как будто море — где-то за углом...

* * *

И солнечные блики в полуденной реке,
и сладость ежевики, и эхо вдалеке;
и сонные ромашки, хранящие любовь;
и поле — промокашкой под тучей голубой;
и ласточки — по кругу, отчаянно смеясь,
что голуби друг друга целуют не таясь;
и солнце плавно, грузно вдоль моря и — на дне;
и с запахом арбузным январский хрусткий снег;
и сливы взгляд лиловый с прищуром сквозь листья —

в одно вместилось слово.
И это слово — ты ...

* * *

Ты знал меня всякой, ты знал меня разной:
И в черном, и в белом, и в синем, и в красном.
И в радостной доле, и в горе-злосчастье,
Дрожащей от боли, дрожащей от страсти.
И в праздничной ткани, и в скромном халате,
В ночном ресторане, в больничной палате.
Доверчивой, мудрой, и злой, и радушной,
Ты знал меня утром — прохладной, из душа.
Покорной и дикой.

И гордой — однажды...

Из ликов столиких ты знал меня в каждом.
Как веточку сломишь, как деревце срубишь:
Пройдешь — не запомнишь.

Умрешь — не забудешь!..

* * *

Такая препротивная черта,
и с этим ничего нельзя поделать:
Амур не проверяет паспорта,
когда свои оттачивает стрелы.
И в нем не вызывали уважение
ни разу ни в какие времена
страничка о семейном положении,
национальность, возраст и страна.
Мы для него — игрушки заводные:
идем по кругу, только заведи.
Зачем сопротивляемся, смешные,
выдергиваем стрелы из груди?

* * *

Почти не больно... Больно и почти —
два берега, далеких друг от друга.
Ты строки откровения прочти —
след боли, затихающей как вьюга.
Почти не больно... А тебе? Соври!
Тоска — наотмашь, побелели пальцы.
Во взгляде — неприкаянным скитальцем
немая боль струится изнутри.
О, будь ты хоть единожды нарушен,
Закон Несовпадения Любви!
Ведь каждый, кто кому-нибудь не нужен,
кому-то нужен.
Навсегда.
До боли...

* * *

*Суженый-ряженный,
приди меня причесать*

Тихо в ночи половицы скрипят.
Зеркало в зеркало — свет голубой.
Косы длинные, словно ночь без тебя,
и тяжелы, как разлука с тобой.
Суженый-ряженный, вот гребешок.
Ласковым медом лучатся глаза.
Девичьих кос недоверчивый шелк —
суженый снится меня причесать.
Ну почему через столько времен,
как негасимый костер вдалеке,
снится и снится единственный сон —
суженый-ряженный, гребень в руке?..

* * *

Я никому не выдам этой тайны:
на краешке задумчивого танца

мы чуть коснулись кончиками пальцев
почти нарочно и почти случайно.
Густая тень на веки опустилась,
когда сквозь приоткрывшуюся дверцу
движенье поцелуя покатилося
от неба к небу и от сердца к сердцу.
Так на пересеченье млечных улиц,
не зная ощущенья поворота,
вдруг две звезды нечаянно столкнулись,
меня траектории полета.

* * *

Не стерпится, не слюбится — не жди,
чужие никогда не станут ближе.
Зарядит осень частые дожди
и день на день как бусинки нанижет.
И будут эти бусинки к лицу
всем женщинам с печальными глазами,
которым к обручальному кольцу
в комплекте их когда-то навязали.
Не стерпится, не слюбится — не верь:
под телевизор вечера немые,
а в полночь уведут дороге две
вразлет, как параллельные прямые...
Почти друзья, любовники, враги.
Почти беда, похожая на счастье.
Порвалась нитка — бусинки стучатся.
Не стерпится, не слюбится — беги!

* * *

От любви до ненависти — шаг
вдоль обрыва.
Ах, не упади!
До чего ж противится душа
ненависти, вспыхнувшей в груди.
От любви до ненависти...
Стой!

Погоди, не наживай врага!
Нервные слова и взгляд пустой.
Разве я тебе не дорога?
От любви до ненависти шаг.
Полноводьем страсти глубоки:
оба чувства, яростно круша
всё сметают словно две реки.
Позвонил.

Сказал:

«Люблю. Прости.
Виноват. Запутался. Дурак...».
От любви до ненависти шаг...
Слава Богу, некуда идти!..

СКУЧАЮ

Скучаю... как в отрубленной руке —
тулая боль пустой бездонной ночью
и я плыву, как щепка по реке
сквозь эту боль пронзительную, волчью...
скучаю и остывший телефон
пытаюсь греть горячими словами...
и голос твой звучит со всех сторон,
спекаясь ледяными кружевами...
и вроде — срок разлуки небольшой...
и ты вернешься, как всегда, нечаян
но всей своей отрубленной душой
фантомной болью по тебе скучаю!!!!

Опять протяну к тебе руку,
в прозрачную полночь скользя.
Давай хоть приснимся друг другу,
раз нам по-другому нельзя!
Ты сядешь в моем изголовье
и я над тобой наклонюсь,
и нашей горячей любовью
растопим полночную грусть.
Во сне мы свободные люди,
всесильно его волшебство.
Шепну я беззвучно: «Ты любишь?..»

Ты просто кивнешь головой.
Есть дружба, и долг, и привычка...
Всё верно! И выбор не прост.
Я слышу, как чиркнула спичка:
ты куришь за тысячи вёрст...

* * *

Такая свобода, что только бы жить да и жить!
Такая погода, что только б гулять да гулять...
И взять бы так просто сейчас бы ему позвонить —
Такая тоска, что ну просто, руки не поднять...
Так пусто и тихо, что только в ушах не звенит
Вокруг тишина.

И уже раз по двадцать на дню
Он мне не звонит. Он мне тысячи раз НЕ звонит!
И я не звоню. Каждый день целый день не звоню...

СТИХИ ИЗ XIX ВЕКА

Ты помнишь, я присела у камина
На краешек персидского ковра —
И в парке удивленные павлины
Синхронно распахнули веера,
И в сонной тишине вздохнули вишни,
Как белый пух, роняя лепестки,
И ты легко движением неслышным
Мне прядь волос откинул со щеки,
Закат галантно спрятал пламя в ножны,
Заставив пахнуть бледные цветы, —
Когда впервые я неосторожно
Тебя случайно назвала на ты...

Едва-едва успел припрятать лук,
слепой Амур плутишка, оборванец.
Ещё не тронул первый поцелуй
моей щеки доверчивый румянец.
Мгновение — и робкие, скользят
навстречу два растерянные взгляда,

и эту нежность скрыть уже нельзя,
и эта нежность — главная отрада...
Уже близка горячая волна
любви, бессонниц сладкая тревога...
Что друг о друге знаем? Имена.
Лишь имена...

О, Господи, как много!..

* * *

И снова поезд. Дальний путь.
Прощанье скомканное, слезы.
— Забудь-забудь, забудь-забудь, —
всю ночь выстукивать колесам.
Не тот — не тот, не тот — не тот —
по нотам правильно, без фальши.
И время в поезде идёт
в двух измерениях: дольше-дальше.
А мне коснуться бы хоть раз
в последний — время не залечит —
к тому, кто в тамбуре сейчас
закурит в поезде навстречу.
Но не вернуться, не вернуть,
не вымолить за ради Бога.
— Забудь-забудь, забудь-забудь, —
твердит железная дорога...

* * *

Счастье краткое — сладко и грешно,
догорит, не оставив следа.
Ты сказал так легко и небрежно:
«Я ее не любил никогда...»
И от этого вспыхнул иначе
свет последних стремительных дней.
Ты ее не любил! Это значит,
я — та самая в жизни твоей!
Ты берешь меня страстно и жадно.
Я лечу на тебя, как на свет.

Все закончится, мой ненаглядный —
ничего бесконечного нет.
Я собой напою тебя, милый,
до рассвета, до самого дна —
для тебя одного сохранила
сладкий грех золотого вина.
На губах, пересохших от жажды,
поцелуем — горячее да.
Неужели ты скажешь однажды,
что меня не любил никогда?..

* * *

Я пишу Вам из города листьев опавших
и спешу сообщить, что последний листок
у дороги прилег, словно путник уставший,
и нечаянно умер...

А может не то
я хочу написать Вам из осени ранней...
Я хочу рассказать, как в холеных садах
наливаются яблоки спелым желаньем,
словно девичьи груди желаньем стыда.
Из избушки лесной, забинтованной снегом,
я пишу Вам о том, как мне плохо без Вас,
как сейчас я повисла б на шее с разбега,
целовала и гладила бы целый час
Ваши мягкие волосы, жесткие руки...
Я пишу Вам из долгой полярной зимы.
Я пишу Вам, мой милый, из нашей разлуки.
Отвечайте из лета, где встретимся мы.

* * *

Горе мое горькое — кровь застынет
Горе мое прошлое — свет далече...
Чужая женщина ведра пустые
вынесет-выплеснет мне навстречу
и, безразличная к моей страсти,
на самом берегу твоего моря

выстроит каменное свое счастье
на зыбком песке моего горя.

* * *

Глаза обвела бессонница
черным карандашом.
Посередине лица — шов,
где раньше была улыбка
крепко зашиты красной ниткой
искусанных губ два слова
НЕ УХОДИ.
Уходи...
Оторвался глагол
и повис
беспомощным лоскутом —
он просто не знал,
что осталась еще частица.

* * *

Простимся, раз угодно Богу...
Я провожу тебя к порогу.
Мужчинам надо уезжать.
Я не порву печалью душу,
улыбки плачем не нарушу —
я научилась провожать.
Я руки с криком не ломаю,
я — умница, я понимаю,
что не на век, что не война.
Но не сочти желанье рабским —
о, как мне хочется по-бабски
бежать, держась за стремяна...

* * *

Конечно, вернешься — как осень, случайно под утро,
и спросишь: "Ждала?" И услышишь в ответ: "Не ждала".

Я встречу тебя по-осеннему щедро и мудро,
без радости лишней, а также без лишнего зла.
Мы будем с тобой друг на друга смотреть виновато
и вздор говорить о каких-то нелепых вещах,
ненужных при встрече: о транспорте и о нитратах,
которых убийственно много теперь в овощах.
Мы будем взахлеб обсуждать эти овощи-вещи,
пока не очнется-опомнится кто-то из нас,
увидев, как синее робкое пламя трепещет
на доньшке зеркала всепонимающих глаз.
И всепонимание то прорастет всепрощеньем,
и вспомнится первого яблока тающий вкус.
Мое ожиданье сольется с твоим возвращеньем —
две тонкие ниточки нас сохраняющих уз.
Мы будем взволнованы очень и счастливы очень,
и вряд ли услышим, как хлопнула дверца такси —
вернулась домой неожиданно прежняя осень,
и ветер навстречу летит — чемоданы носить.
А дождик бродячий, раздавленный ночи капканом,
свернется в калачик затравленным диким зверьком
и будет рябинамлизывать горькие раны
дрожащим шершавым холодным своим языком.

* * *

Улыбнулась тихо и устало:
Бог свидетель, это — не судьба.
Убирала волосы со лба
аккуратно, словно вытирала
капельки растаявшего снега,
что с собой с мороза принесла.
Вдруг сказала, словно пролила:
Я люблю другого человека...
А потом — как стрелочка к нулю
на приборе на пределе чувства:
я люблю... а может, не люблю
никого... О, Господи, как пусто!
Я люблю... а может... я не знаю...
Душу белым выметет метель.

Ночь такая серая, сырая,
рваная, как в поезде постель.

НЕЗНАКОМЫЙ ПРОХОЖИЙ

Незнакомый прохожий окликнет меня : «Как дела?»
Я отвечу: «Нормально», — лицо свое вынесу к свету.
Обознался, чудак, я похожа на некую Свету...
Говорю, что — бывает, прощаюсь и дальше пошла.
Незнакомый прохожий... А может быть, просто ему
Не с кем вечером выпить по чашке индийского чая?
Он на улицу вышел и стал одинок и случаен,
И теперь просто так он бесцельно шагает сквозь тьму.
Светка, выйди на улицу! Выключи свой сериал:
Там сейчас без тебя разберутся крутые бандиты!
Он шагает по улицам, всеми на свете забытый.
Он искал тебя, Светка, он так тебя долго искал!
Я привычно ныряю в холодный колодец жилья.
Он не смотрит мне вслед. Он упрямо идет по дороге.
На мгновение, как молния — как же мы все одиноки!!
И ужасно обидно за Светку, что Светка — не я.

ОДНОКЛАССНИК

Из автобуса в окошко
посмотрела — обмерла:
ой, Серёженька, Сережка,
я ж всю жизнь тебя ждала!
До сих пор мороз по коже
мне от взгляда твоего.
Я ж, Серёженька, Серёжа,
не забыла ничего.
Помнишь вечер новогодний,
танцы, музыку без слов?..
Не признать в тебе сегодня
мою первую любовь...
Видно разные, Серёжа,
были нам календари:
я ж на десять лет моложе,

ты, гляди, — совсем старик.
Ты спешишь? И я — немножко.
Как живу? Да, вот — жива...
Подрастает сын Серёжка.
Ну, а мужа было два...
Если б только можно было
наши жизни изменить,
как бы я тебя любила!
Так любила б!

Может быть...

ДУРА

Три дня ждала. Покрасилась в блондинку.
Худела, дура, из последних сил.
А время проходило под сурдинку.
А ОН всё не звонил и не звонил...
Казалось, все на свете телефоны
нарочно кто-то злобный отключил.
Святая глупость женщины влюбленной:
Во всё, во всё оправдывать мужчин.
И синими огромными глазами
так жалобно смотрела из окна.
Наверно, что-то я не так сказала?..
Вот дура-то! Сиди теперь одна!..
Боялась плакать — вдруг глаза распухнут,
а ОН придет, и как же я тогда?!
И от стены к стене ходила в кухне,
как маятник, всю ночь — туда-сюда.
Четвертый день, и пятый, и девятый...
Ждала и пересчитывала дни,
и вновь себя считала виноватой.
А ОН всё не звонил и не звонил...
Устала ждать. Проведала соседку.
Костюмчик отхватила — зашибись!
И снова перекрасилась в брюнетку —
да что я, дура, ждать тебя всю жизнь?!

ДУРАК

Может, бросить тебя?

Ну, зачем ты мне нужен?!

Сколько ж я натерпелась! Ни в сказке сказать.

Чем с таким непутевым пропойцею мужем,
может лучше одной — разрубить, развязать?

Ты под стать себе выберешь толстую дуру,
с нею будете вместе играть в домино,

и вареники есть, не жалея фигуру,

раз в неделю купаться — тебе все равно.

Ты мой камень-кирпич, непосильная ноша,
до кровавых мозолей растерта рука.

Да когда ж тебя, проклятущего брошу?!

А ведь жалко бросать-то тебя, дурака!..

Мы с подругой моей закадычною Веркой
рассудили вчера приблизительно так:

к вам нельзя, к мужикам, с человеческой меркой —
так выходит, что каждый немножко дурак.

Я куплю себе плащ (между прочим, из кожи!)

и ботинки моднячие на каблуках.

Я найду себе выше, красивой, моложе,

не такого, как ты у меня, дурака.

И пойдет моя жизнь непременно другая...

Как-то мне без тебя непривычно легко.

На последние деньги куплю попугая,

чтобы было кого называть дураком.

* * *

Пора на посадку, а женщина плачет.

Пытаешься в нежности спрятать испуг.

Стоишь пред ней, как нашкодивший мальчик.

Зачем она так-то, ведь люди вокруг...

Весенние ночи, так рано светает.

Явилась такая, хоть локти кусай,

красивая. Только сквозняк причитает

за кадром свое не бросай, не бросай...

Очнешься, закуришь. Приснится ж такое!

Что было, то было. И это пройдет.

Но форточкой хлопает ветер и воет.
Зачем же он так-то, стекло разобьет...

ЖЕНЩИНА С СОБАКОЙ

Просто был обычный вечер,
Как сегодня и вчера.
Просто вышли мне навстречу
Из соседнего двора.
Я пугливая, однако,
Стынет инеем спина.
— Это умная собака,
не кусается она.
Я на слово верю редко,
но не стала проверять.
Вроде женщина — соседка,
вроде можно доверять.
Только я б такую псину
не держала б ни за что,
как у этой некрасивой
тетки в клетчатом пальто.
И она б, наверно, тоже.
И почти наверняка,
вот была бы помоложе —
завела бы мужика.
Просто жизнь её упрямо
покрутила — провела:
просто жили дочка с мамой,
просто мама умерла,
просто пусто вечерами —
телевизор, тишина.,
В выходные ходит к маме...
Всё одна, одна, одна...
Просто сколько можно плакать?!
Вместо внуков — пять щенков.
Просто умная собака
лучше глупых мужиков.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК

все герои вымышлены,
все случайные совпадения случайны,
однако...

ЗОЛУШКА

Ах, Золушка, несчастная душа —
то мачеха зацепит, то отец:
да взяли б тебя замуж, наконец —
в голодном доме нету ни гроша.
Поняв, что счастье не придет само,
однажды поборов девичий стыд
решилась Принцу написать письмо
и во дворец записку отнести.
Писала на клочке календаря,
для цвета ткнув карандашом в золу,
что не была ни разу на балу,
и оттого вся жизнь идет зазря.
Что мачеха задергала отца,
а мамка пятый год как померла,
что ей бы хоть ступенечку дворца,
она б и на ступеньке жить смогла...
Проснувшись в восемнадцатом часу,
прекрасный Принц, опухший от пиров,
рассеян был и не совсем здоров,
и тут ему записочку несут.
Отпив Боржомом с кубиками льда,
записку снисходительно прочел.
А девочка хорошенькая, да? —
привратника спросил через плечо.
И вдруг пофилософствовать решил
и приказал бумагу и перо,
и стал писать, что в мире все старо,
что в мире нет улады для души,

что он не понят, что любить готов,
что ищут ласки страстные уста...
Он исписал полдюжины листов,
потом проголодался и устал.
Уже к письму теряя интерес,
он торопливо дописал в конце:
"Голубушка, как тошно во дворце
среди капризных сказочных принцесс!" —
и разорвал, поняв, что смысла нет.
Послал монетку к заднему крыльцу,
где Золушка под дверью ждет ответ,
размазывая слезы по лицу.

РУСАЛОЧКА

ужасно грустная сказка

Расскажу я вам сказку, дети.
Только чур, в конце не реветь!
Раз попалась русалка в сети,
Как лосось попадает в сеть.
Побежали глядеть на диво
Всей деревнею — стар и мал.
Срамотищи такой красивой
Отродясь никто не видал.
Рыбаки-то, народ не слабый,
Аж вспотели тянуть со дна.
То ли рыбина, то ли баба —
Не поймут они ни хрена.
Всё глазищи тарашит, дура!
А глаза-то как глубоки...
— До чего ж хороша фигура, —
Рты разинули рыбаки.
Бабы стайкой бегут с пригорка.
Нюрка — первая среди них,
Потому как рыбак Егорка
Третий год, как её жених.
А у Нюрки с фигурой туго,
Вся землица дрожит окрест.
Только где ж её взять, подругу:

Больше нету у нас невест.
Подкатилась она как мячик,
Парню в волосы:

— Ах ты, гад!

На русалку глазеешь?! Значит,
Дело ясное — виноват!!
Ах, бесстыжая ты скотина,
Надоело твоё враньё.
Не от речки пропах ты тиной —
От разлучницы, от неё!
Раскричалась, что спасу нету
(бабы в наших краях лихи!):
— Порубать её на котлеты,
Наварить из неё ухи!
А русалочке слушать горько,
И сама-то вся не своя.
Не нужен ей рыбак Егорка,
Ей бы в море бы, в окиян.
Там отважные флибустьеры,
Все красавчики — нету слов!
У невольников на галерах
Песни складные про любовь...
Людям вроде обеих жалко:
Эта воеет и та — в слезах.
Но русалка и есть — русалка.
Нюрка — здешняя, что сказать!..
— Отпусти меня, сделай милость, —
Шепчет девушка рыбаку.
Я нечаянно заблудилась,
Замечталась на берегу...
Принесу тебе жемчуг-злато
Из подводных пещер глухих.
Нюрка рядом вопит:

— Ребята!!

Не пушайте! Хочу ухи!!!
Как решилось — понятно дело:
Спорить с Нюркой никто не смел.
Вся деревня ухи поела.
Лишь Егорка ухи не ел...
Утром встали — не счесть окурки:
Не сомкнул он глаз до утра.

Не женился Егор на Нюрке.
Утопился Егор вчера...

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

*сказка для сильно пьющего
Ивана-царевича*

У колодца судачили бабы:
— Глянь, царевич-то — пьяный с утра:
Выбрал в жены заморскую жабу
(много дали за жабой добра).
— Так нальется, сидит и икает.
Жабу в руки и ну ей шептать:
"Василиса моя дорогая!
Покажи свою девичью стать".
— Тошно Ваньке от зелени склизкой...
Жаба раз в полнолунной ночи
обернулась змеёй-василиском —
он от страха-то как закричит!!
Дед Михеич сказал откровенно:
— Ты, Иван, на меня не серчай.
Обратится в лягушку царевна —
это, паря, обычный случай.
Маникюром своим, педикюром
заморочит тебя, молодец.
А потом — не признаешь фигуры,
что с тобою пришла под венец!
Очевидное — невероятно,
но мужчинская доля — лиха.
А из жабы в царевну обратно,
я, Иван, об таком не слыхал!
Ты, Ванюшка, как муторно станет,
плюнь на жабу — живём только раз.
Взял бы в жены соседскую Таню —
ты бы, дурень, не плакал сейчас!
И на что ты польстился, Ванюша!
На меха, жемчуга и шелка?!
Русской женщины русскую душу
не заменит золотая река!

Ты проспись, да седлай поскорее,
да по утренней первой росе
поспешай — у седого Кашея
Танька слезы проплакала все!
И поплелся растеряно Ваня
(как же жить-то, Господь, рассуди!) —
с изумрудной лягушкой в кармане,
с синеглазую Таней в груди...

ДЮЙМОВОЧКА

*сказка для девочек
на выданье*

Опостылело в тесной крысиной норе,
попрекает хозяйка ячменной крошкой.
Холодна и пронзительна ночь в ноябре.
И за столько-то лет износилась одежда...
Видно, это не всем, что б сбывалась мечта,
Что бы рядом всегда ненаглядный и любый.
Остается одно — выходить за крота
И носить под землей его черные шубы.
А с другой стороны — ну, подумаешь, крот!
Ведь бывают же где-то полярные ночи!
В темноте этот крот не такой уж урод,
И летучие мыши завидуют очень!
А у ясного солнца прямые лучи,
Откровенные, словно влюбленные взгляды.
Хоть кричи, хоть молчи — до того горячи,
Зажигают живые костры листопада.
Солнце быстро садится, вокруг синева
Разливается горьким холодным чернилом.
Солнце, солнышко! Ты меня не отдавай!
Я сильнее, чем тебя никого не любила.

ИЗ ЖИЗНИ КОРОНОВАННЫХ ОСОБ

О, как избежать
урагана монаршего гнева?!

Прикрыв пеньюаром
молочную свежесть плеча,
— Ах, Ваше Величество, —
робко шепнет королева, —
Извольте ль в спальню?
Уже догорает свеча...
— Ах, Ваше Величество! —
скрипнет перо недовольно, —
Мне с Вашим Величеством
нежиться в пене перин?!
Держава в опасности,
заговор в городе стольном.
Заснем ли в объятьях?
Проснемся ли мы средь руин?
— Я, Ваше Величество,
буду решительно краток:
я, Ваше Величество,
занят и очень сердит!!
И что же, сударыня,
нынче в свечах недостаток?!!
Вас очень тревожит,
что скоро свеча догорит?
— Ах, Ваше Величество, —
дрогнули рыжие букли.
Ну, как королеве
не быть королевской женой?
Опять он относится к ней,
как к бесчувственной кукле!!!
Мне, Ваше Величество,
холодно в спальне одной.
— Ах, Ваше Величество,
что за наивные речи!
Пусть топят пожарче,
к чему экономить дрова?!
Вот след Вам, Мадам,
и прикройте, пожалуйста, плечи.
— Ах, Ваше Величество,
Ваши жестоки слова...
— В чем, Ваше Величество?
Разве я езжу налево?!!
Указы, приказы, рассказы

всю ночь до зари.
— Но я — королева...
— Вот именно, Вы — КОРОЛЕВА!
Так будьте же ею,
О, ЖЕНЩИНА, чёрт подери!

ЛЕБЕДУШКА

*грустная сказка
для женатых Иванов-царевичей*

Лебедь белая — прозрачное крыло.
Лебедь белая, как белая строка.
Сине-озеро — туманное стекло,
под стеклом вода туманная сладка.
Добрый молодец, не хмурь свое чело,
не тянись за луком, добрый человек.
Лебедь белая — прозрачное крыло.
Лебедь белая — не вытоптаный снег.
Я отбилась от своих родимых стай,
красоты своей нетронутой стыжусь.
Погоди, Иван-царевич, не стреляй!
Я тебе, Иван-царевич, пригожусь.
Если ранит басурманская стрела
черным вороном любимого в ночи,
забинтуют рану нежные крыла,
будут слезы, как живой воды ключи.
Отвечал Иван-царевич не спеша:
— Ты, Лебедушка, прекрасна и нежна,
но прости меня, красавица-душа,
дома ждет меня любимая жена.
По ее приказу тропы я топчу,
по ее капризу ноченьки не сплю.
Я лебяжию подушечку хочу,
а иначе — говорит — не полнблюю.
Я для женушки, голубушки своей,
на подушечку для шелковой косы
постреляю всех на свете лебедей!
Ты прости меня, Лебедушка, прости...
Он летел обратно, весел и удал,

словно ветер, обгоняя паруса.
Не заметил, как над озером звезда
покатилась — лебединая слеза.
Он спешил, как будто выиграл войну.
Он коня стегал безжалостно кнутом.
Он застал свою любимую жену
в светлой спальне с уродливым шутом.
Засмеялся он, хоть не было смешно:
— Хороша же ты, любимая жена!
Он печаль свою, как красное вино
выпил залпом, словно выплеснул, до дна.
А вино светилось тускло, словно кровь,
словно озеро туманное в глазах.
И осталась лебединая любовь
белым пухом в его черных волосах.

ВОР

Тропка ленточкой лежала
от села и до села.
По тропинке я бежала,
косарям обед несла.
Тропка к ельничку прижалась.
Кто-то стал в кустах реветь.
Я до смерти испужалась:
я-то думала — медведь
или может это волки,
ну, собаки, наконец...
Но выходит из-за елки
незнакомый молодец.
Говорит: "Душа-девица,
помоги, не откажи —
дай водицы мне напиться
и дорожку укажи".
А в кувшине не водица —
бражка пьяная была.
Пусть случится, что случится:
полный ковшик подала.
Он хлебнул, не удивился,
все до капельки допил,

как напился — поклонился.
Ох, красивый, нету сил!..
Птица белая присела
мне на белое плечо
и на ухо просвистела:
"Наливай ему еще!"
Тут пошло такое дело,
не понятно ничего:
пил-то он, а я хмелела,
я хмелела за него.
Заплатил он, не обидел —
сладко было с ним грешить.
Если б тятенька увидел,
мне б тогда совсем не жить.
За рекой заря проснулась
тонким голосом рожка.
Я очнулась, оглянулась —
нет любезного дружка.
Он разбил мое сердечко
на несчетные куски
и украл мое колечко
обручальное с руки.
Я домой пришла не скоро —
тропку спрятала трава.
Я за все простила вора —
больно сладко целовал...
А потом он мне приснился
в предрассветном чутком сне:
будто к тятеньке явился,
будто сватался ко мне,
будто вовсе и не вор он —
молодой заморский царь...
Ухнул филин, каркнул ворон,
все пропало — нет дворца.
Только тятина избушка —
время в ходиках течет,
за окном поет лягушка,
а за печкою — сверчок.
Ой, болит мое сердечко,
грусть-тоска его сосет...

Пусть тебе мое колечко
счастье в жизни принесет...

ОТКРОВЕНИЯ ЖАР-ПТИЦЫ

Я — гадкий утенок,
птенец непутевой жар-птицы,
что бросила сдуру свое золотое яичко.
А курочка Ряба, ну надо ж такому случиться,
взяла меня в дочки —
хозяйюшка, добрая птичка,
учила кудахтать меня, ковыряться в навозе...
Родители бедные чуть не лишились рассудка!
А после решили: наверно, я все-таки — утка,
и выгнали вон,
не способную к жизненной прозе.
А важные утки и злобные тетки-гусыни
пинали меня, и щипали меня, и клевали,
толстушки-индюшки
бросали мне взгляды косые,
а все их мужья оскорбляли плохими словами...
Хотела топиться, над озером нашим летая.
Увидела: белые лебеди вдаль уплывают.
Меня прогнала лебединая дружная стая
за то, что я — рыжая: рыжих у них не бывает!..
За что наказала судьба меня, ведьма-злодейка?!
Нелепая птица, ошибка в великой природе.
Была бы я лучше убогою Серою Шейкой,
дружила бы с зайцем...
А так — меня зайцы обходят.
Свое отражение я видела как-то однажды,
в рассветных лучах пролетая над озером синим —
горячее пламя колышется в перышке каждом.
Не знаю, как вам, но, по-моему, это — красиво!
Пусть серые гуси шипят ненавистно и грозно,
а я рассмеюсь и отвечу им: «Сами уроды!»
Мне крыльями машут блестящие рыжие звезды,
я с ними одной ослепительной дивной породы!

